

*Виктору —
главной сказке моего сердца.*

*И Джессике —
моей путеводной звезде
в ночном небе*

Твои дерзания хотя бы иногда,
Но достигают долгожданного ответа.
Зачем же ночь,
 когда б не знали мы рассвета...
Значенье солнца укрывает ночи мгла.

Джалал ад-Дин Мухаммад Руми¹

ПРОЛОГ

Грядущий рассвет не относился к числу долгожданных.
Уж отзвучала история ночных небес, и на горизонте возник предвестник печали — серебряный ореол.

На плоской кровле мраморного дворца в молчании стояли юноша и его отец. Они наблюдали, как бледный свет раннего утра медленно и осторожно теснил ночную тьму.

— Где он? — спросил юноша.

— Не покидал своих покоев с тех самых пор, как отдал распоряжение, — ответил мужчина, не глядя на сына.

Юноша провел рукой по курчавым волосам, глубоко вздохнул и заключил:

— Весь город взбунтуется.

— И ты не мешкая разгромишь наголову любой мятеж, — последовал суровый отклик, по-прежнему обращенный к безрадостной полосе рассвета.

— Не мешкая? Смею предположить, что любая семья, вне зависимости от положения и статуса, возжелает отомстить за детей.

— О, они непременно возжелают. — Отец наконец взглянул на сына, отметив запавшие глаза, устремленные вовнутрь. А плечи, казалось, опустились под весом огромной

¹ Мавланá Джалал ад-Дин Мухаммад Руми (1207—1273 гг.) — персидский поэт-суфий. — *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

тяжести. — Как и должно. Ты же проследишь, чтобы их усилия остались тщетными. Исполнишь свой долг перед повелителем. Тебе все ясно?

— Да, мне все ясно, — после недолгой паузы отозвался юноша.

— Генерал аль-Хури? — слышался за их спинами голос солдата.

— Да? — отозвался мужчина, оборачиваясь к подчиненному.

— Исполнено.

После кивка генерала солдат вышел.

На крыше остались лишь отец с сыном. Они пристально всматривались в небо. Выжидательно.

Вскоре на сухую поверхность под их стопами упала первая капля, которая тут же испарилась на обожженном камне. За ней последовала другая. Скользя по железным перилам, она исчезла в пустоте.

Спустя несколько секунд вокруг двоих мужчин уже мерно стучал дождь.

— Вот и доказательство, — сказал генерал голосом, в котором звучала скрытая мука.

Юноша отозвался не сразу.

— Он не выдержит подобного, отец.

— Ему придется. Он сильный. И справится.

— Ты никогда не понимал Халида. Дело не в силе воли, а в его сущности. Это разрушит его душу, оставив лишь оболочку, тень его прежнего.

— Ты считаешь, мне нравится происходящее? — поморщился генерал. — Я бы пожертвовал жизнью, чтобы предотвратить все это. Но у нас нет выбора.

— Я отказываюсь в это верить, — покачал головой юноша, смахивая с лица дождевые капли.

— Джалал...

— Должен быть иной способ, — отрезал он, после чего отвернулся от перил и скрылся на лестнице.

По всему городу давно пересохшие колодцы начали наполняться водой. Потрескавшиеся на палящем зное емко-

сти искрились озерцами надежды. Жители Рея просыпались и выбегали на улицы с радостными криками, подставляя лица каплям дождя.

И не подозревая о цене этого чуда.

А в глубине мраморного дворца восемнадцатилетний юноша в полном одиночестве сидел за столом из полированного эбенового дерева. И прислушивался к звукам льющейся снаружи воды.

Единственный источник света в комнате отражался в глазах цвета янтаря.

И этот свет пропадал, поглощенный тьмой.

Юноша поставил локти на колени и обхватил голову руками. Затем закрыл глаза, погружаясь в эхо отзвучавших слов, которые наполняли сознание обещанием жизни, навеки связанной с прошлым.

Жизни, посвященной расплате за грехи.

Сотня жизней за одну отнятую. По одной жизни на каждый рассвет. Пропустишь хоть утро, и я заберу все твои мечты. Заберу твой город.

И заберу тех жизней тысячекратно.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ШЕЛКЕ И ЗОЛОТЕ

Обращались с ней неласково. Да и с чего бы?

В конце концов, никто не ожидал, что она переживет завтрашнее утро.

Руки, что проводили гребнем из слоновой кости по волосам Шахразады, доходившим до пояса, и втирали порошок сандалового дерева в ее бронзовую кожу, работали с жесткой отстраненностью.

Затем юная служанка присыпала голые плечи молодой госпожи золотой пудрой, которая мерцала и переливалась в лучах заходившего солнца.

Порывы свежего ветерка заставляли колыхаться шелковую обивку стен покоев Шахразады. Сквозь резные деревянные створки, ведущие на террасу, доносился сладкий аромат цветков апельсина, нашептывая, что свобода теперь находится вне досягаемости.

«Это был мой собственный выбор. Ради Шивы».

— Я не ношу ожерелья, — сказала Шахразада, когда другая служанка начала застегивать исполинских размеров драгоценное украшение на шее.

— Это подарок *халифа*. Вы должны надеть это, госпожа.

— А что случится, если я не пожелаю? — поинтересовалась Шахразада, кинув на невысокую служанку недоверчивый взгляд. — Он меня убьет?

— Пожалуйста, госпожа, я...

— Полагаю, сейчас неподходящее время отстаивать свои убеждения, — вздохнула Шахразада.

— Да, госпожа.

— Меня зовут Шахразада.

— Я знаю, госпожа. — Смущенно пробормотала служанка, отводя глаза.

После чего продолжила возиться с нарядом, опустив тяжелую позолоченную мантию на сверкавшие плечи невесты халифа. Шахразада посмотрела в зеркало, чтобы оценить результат кропотливых трудов.

Полуночно-черные пряди блестели, точно волны полированного обсидиана. Светло-карие глаза были подведены угольной сурьмой и жидким золотом. Длинные стрелки придавали взгляду выразительность. По центру лба красовалась рубиновая капля размером с ноготь, такая же болталась на тонкой цепочке вокруг оставленной открытой талии и периодически задевала широкий шелковый пояс широких шаровар. Сама мантия из светлого дамаста¹ была расшита золотыми и серебряными нитями. Затейливый узор переливался и переплетался на ткани, ниспадавшей до пола.

«Выгляжу как разряженный павлин», — подумала Шахразада, вслух же произнесла:

— Все невесты выглядели так же нелепо?

Обе служанки снова отвели глаза, явно испытывая неловкость.

Наверняка Шива казалась не помпезной, а красивой. Красивой и сильной.

При этой мысли Шахразада вонзила ногти в ладони, оставляя на коже полумесяцы железной решимости. Лицо превратилось в бесстрастную маску.

Раздался тихий стук в дверь. Все три головы повернулись в унисон, прозвучал дружный выдох.

Несмотря на новообетенное мужество, сердце Шахразеды затрепыхалось в груди.

¹ Дамаст — узорчатая шелковая ткань, которую ткали с раннего Средневековья в Дамаске, Сирия.

— Можно войти? — нарушил тишину мягкий голос, в котором слышались просительные и извиняющиеся нотки.

— Баба¹, что ты здесь делаешь? — медленно, осторожно выдохнула Шахразада, стараясь замаскировать настороженность терпеливым выражением лица.

Джахандар Аль-Хайзуран медленно вошел в покои. В его бороде и на висках серебрилась седина. В карих глазах перетекали, переливались мириады оттенков, словно морские волны во время шторма. В руках отец держал единственный бутон розы с почти бесцветными лепестками, лишь по краям окрашенными в светло-лиловый.

— Где Ирса? — спросила Шахразада, уже не скрывая тревоги.

— Дома, — грустно улыбнулся дочери Джахандар. — Я запретил идти со мной, хотя она до последнего настаивала и ярилась.

Шахразада про себя порадовалась, что отец хотя бы в этом последовал ее желаниям, и мягко упрекнула:

— Тебе следовало остаться с сестрой. Она нуждается в тебе. Обещай, что не покинешь ее сегодня вечером. Сделай это ради меня, баба. Как мы обсуждали. — Она протянула руку, взяла свободную ладонь Джахандара и сжала ее, пытаясь этим жестом передать свою просьбу следовать ранее оговоренному плану.

— Я... Я не в состоянии дать подобное обещание, дитя, — прошептал отец, опустив голову. Узкие плечи вздрагивали от едва сдерживаемых рыданий. — Шахразада...

— Будь сильным. Ради Ирсы. Не волнуйся, все будет хорошо, — произнесла девушка, стирая слезы с увядшего лица Джахандара.

— Прости мою слабость. Одна мысль, что сегодняшней вечер может быть последним в твоей жизни...

— Это не так. Я обязательно увижу завтрашний рассвет. Клянусь.

Джахандар кивнул, хотя несчастное выражение его лица

¹ Баба — уважительное обращение к отцу в арабских странах.

ничуть не изменилось, и протянул дочери не до конца распустившийся бутон розы.

— Это последний цветок из моего сада. Пусть напоминает тебе о доме.

Стараясь улыбкой выразить любовь и благодарность, Шахразада потянулась, чтобы принять дар, но отец остановил ее. Поняв, что он задумал, девушка начала протестовать.

— Позволь мне сделать для тебя хотя бы это, — прервал ее Джахандар, хотя слова его звучали тихо, едва слышно.

Он пристально всмотрелся в бутон, сведя брови и поджав губы. Одна из служанок кашлянула в кулак, другая же не отрывала взгляда от пола.

Шахразада терпеливо ждала, понимая, что сейчас произойдет.

Роза начала медленно распускаться. Лепестки раскрылись, будто обрели собственную жизнь от прикосновения невидимой руки. Прекрасный аромат, сладкий и идеальный, поплыл в воздухе... только чтобы спустя секунду стать дурманящим, чересчур насыщенным. Приторным. Края цветка сменили цвет с великолепного нежно-лилового на темно-ржавый в мгновение ока. После чего бутон увял и погиб.

Джахандар с ужасом наблюдал, как ссохшиеся лепестки опадают на белый мраморный пол.

— Я... Прости меня, дитя, — прошептал он.

— Ничего страшного. Я никогда не забуду красоты розы. Несколько мгновений она была идеальной, баба, — заверила Шахразада, обвивая руками шею отца и притягивая его к себе. Затем тихо, чтобы услышал лишь он, добавила: — Забирай Ирсу и отправляйтесь к Тарику, как и договаривались.

Джахандар кивнул. В его глазах снова блеснули слезы.

— Я люблю тебя, моя прекрасная девочка.

— И я тебя люблю. И сдержу обещания. Все обещания.

Охваченный эмоциями, Джахандар молча смотрел на старшую дочь.

В это мгновение снова раздался стук в дверь. На этот раз требовательный, а не умоляющий.

Шахразада резко обернулась к двери, заставив две рубиновые капли вздрогнуть, и выпрямилась, вскинув подбородок.

Джахандар сместился в сторону, закрыв лицо руками, позволяя дочери решительно направиться к выходу.

— Прости меня, — прошептала она отцу прежде, чем перешагнуть порог и последовать за группой стражников, возглавлявших процессию.

Когда Шахразада скрылась за поворотом, Джахандар упал на колени и принялся рыдать.

Эти горестные звуки эхом разносились по огромным дворцовым коридорам, отчего ноги девушки подкашивались. Она застыла, чувствуя, как трясутся колени под тонкой шелковой тканью широких шаровар.

— Моя госпожа? — скучающим тоном поторопил Шахразаду один из стражников.

— Ничего, пусть подождет, — задыхаясь, произнесла она. Охранники обменялись взглядами.

Сражаясь с подступавшими слезами, грозившими оставить дорожки на щеках, Шахразада прижала руку к груди, мимоходом задев кончиками пальцев край тяжелого золотого ожерелья. Громоздкое украшение, усеянное несуразно большими самоцветами неслыханной стоимости, обхватывало горло и душило. Как кандальный ошейник, усыпанный драгоценностями. Пару секунд пленница размышляла, не сорвать ли с себя этот оскорбляющий достоинство и указывающий на рабское положение предмет.

Гнев успокаивал. Служил напоминанием.

О Шиве.

О лучшей подруге. О ближайшей наперснице.

Шахразада поджала пальцы в расшитых золотыми нитями туфлях и снова расправила плечи. Затем возобновила путь, не сказав ни слова.

Сопровождавшие ее стражники еще раз переглянулись.

Когда процессия достигла массивных двустворчатых дверей, ведущих в тронный зал, сердце Шахразеды заколотилось вдвое быстрее, чем обычно. Она сосредоточилась на своей

цели, стараясь не обращать внимания на протяжный и злове- щий скрип петель.

На противоположной стороне обширного помещения сто- ял Халид ибн аль-Рашид, халиф Хорасана.

Царь из царей.

Чудовище из кошмаров Шахразады.

С каждым шагом она ощущала все возраставшую нена- висть вкупе с кристальной ясностью поставленной цели и не сводила прямого взгляда с врага. Горделивая осанка сильно выделяла халифа среди его свиты. По мере приближения к нему стали заметны и другие детали.

Высокая и подтянутая фигура Халида ибн аль-Рашида выдавала в нем воина. Прямые темные пряди были уложены волосок к волоску, намекая на любовь к порядку даже в мелочах.

Шагнув на возвышение, Шахразада встретила взглядом с повелителем, отказываясь опускать глаза и проявлять по- корность.

Его брови слегка приподнялись, перестав затенять светло- карие глаза, которые в ярком свете блеснули янтарем, словно у тигра. Резкие черты лица привлекли бы внимание любого художника.

Халиф застыл на месте, рассматривая девушку не менее пристально, чем она его.

Его лицо ранило, взгляд пронзал насквозь.

Медленно Халид ибн аль-Рашид протянул руку. Шахрази- да уже собиралась принять предложенную ладонь, но вспом- нила, что следует поклониться.

Ярость кипела, грозя вырваться на поверхность и окра- шивая щеки девушки румянцем.

Она снова встретила взглядом с халифом, и тот морг- нул, после чего коротко кивнул.

— Жена.

— Мой повелитель.

«Не обольщайся. Я переживу эту ночь и встречу завтраш- ний закат, — поклялась себе Шахразада. — И еще столько за- катов, сколько потребуется. Чтобы убить тебя».